

„Мнѣ нравится при этомъ случаѣ то, что судья (который, какъ оказалось, былъ просвѣщенѣйшій человекъ) одѣтъ былъ, такимъ образомъ, что его, какъ вы говорите, не приняли бы въ переднюю петербургскихъ гостинныхъ, хотя-бы я въ эту минуту поцѣловать полу его заношеннаго фрака“.

„Не думайте, чтобы легко было изъясниться съ людьми во время переходнаго состоянія душевнаго, когда, по велѣнью Бога, начнется переработка въ собственной природѣ человека“.

„Нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ. Эту свободу одинъ мой пріятель опредѣляетъ такъ: „свобода не въ томъ, чтобы говорить произволу своихъ желаній: да, но въ томъ, чтобы умѣть сказать имъ: нѣтъ“. Онъ правъ, какъ сама правда. Никто теперь въ Россіи не умѣетъ сказать самому себѣ этого твердаго „нѣтъ“.

„Мы только споримъ изъ-за того, кто правъ, кто виноватъ; а если разобратъ каждое изъ дѣлъ нашихъ, придемъ къ тому же знаменателю, то есть—оба виноваты. И видимъ, что весьма здраво поступила комендантша въ повѣсти Пушкина „Капитанская дочка“, которая, пославши поручика разсудить городского солдата съ бабою, подравшихся въ банѣ за деревянную шайку, снабдила его такой инструкціей: „Разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи“.

„На корабль своей должности, службы долженъ теперь всякъ изъ насъ выноситься изъ омута, глядя на Кормилица Небеснаго“.

„Ты позабылъ даже своеобразность каждаго народа и думаешь, что одни и тѣ же событія могутъ дѣйствовать одинаковымъ образомъ на каждый народъ. Тотъ же самый молотъ, когда упадетъ на стекло, раздробляетъ его въ „дребезги“ а когда упадетъ на желѣзо, куетъ его“.

„У насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же народа, а не какое-нибудь пришлое чужеземное сословіе“.

„Наконецъ, самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна. Въ немъ всѣ тоны и оттѣнки, всѣ переходы звуковъ отъ самыхъ твердыхъ, до самыхъ нѣжныхъ и мягкихъ; онъ безпредѣленъ и можетъ, живою какъ жизнь, обогащаться ежесекундно... Языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ и который недаромъ былъ на время позабытъ нашимъ лучшимъ обществомъ: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземныхъ нарѣчійхъ всю дрянь, какая ни пристала къ намъ вмѣстѣ съ чужеземнымъ образованіемъ, чтобы всѣ тѣ неясные звуки, неточныя названія вещей, дѣти мыслей невыяснившихся и сбивчивыхъ, которыя петемняютъ языки, не посмѣли помратить младенческой ясности нашего языка и возвратились бы къ нему, уже готовые мыслить и жить своимъ умомъ, а не чужеземнымъ. Все это еще орудія, еще матеріалы, еще глубы, еще вѣ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выкуется иная, сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь уже насквозь всю душу и не упадетъ на бесплодную землю“.

„Мы еще растопленный металл, не отличившіеся въ свою національную форму“.

„Нужно со смѣхомъ бытъ очень осторожнымъ,—

тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ и стоять только тому, кто построумнѣе, поемѣяться надъ одною стороною дѣла, какъ уже, вслѣдъ за нимъ, тотъ, кто потупѣе и поглупѣе, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла“.

„Изъ людей умныхъ должны выступать на поприще только тѣ, которые кончили свое воспитаніе и создались какъ граждане земли своей“.

„Вотъ нѣкоторыя изъ мыслей, отмѣченныхъ мною при чтеніи гоголевской „Перепіски“. Думается, что онѣ относятся къ категоріи тѣхъ не старѣющихъ истинъ, о которыхъ всегда полезно напомнить.

(„Россія“)

III.

По поводу статьи „передъ помѣстнымъ Соборомъ“, помѣщенной въ „Новыя“ № 9.

Должно признать, что труды Особаго Присутствія имѣютъ большую цѣнность для нашей церковной и церковно-государственной мысли. Разработка множества вопросовъ произведена имъ съ глубокимъ знаніемъ, внимательностію и горячимъ желаніемъ каждаго направленія доказать справедливость своего мнѣнія и опровергнуть мнѣнія противниковъ. Съ этой точки „Журналы и Протоколы“ Присутствія являются цѣннымъ источникомъ освѣдомленія для всѣхъ ревнителей Православной Церкви. Но въ постановкѣ церковныхъ вопросовъ мы никакъ не можемъ руководствоваться общими голосованіями Предсоборнаго Присутствія. Въ присутствіи мы постоянно видимъ глубокую противоположность двухъ направлений во взглядѣ на существо Церкви, откуда истекаетъ и противоположность взглядовъ на каждую отдѣльную взятую область ея жизни. Мнѣнія такихъ авторитетовъ церковной науки, какъ профессора Алмазовъ, Бердниковъ, Глубоковскій, Остроумовъ и т. д. и мнѣнія такихъ, несомнѣнно, ученыхъ лицъ какъ напримѣръ, Н. Аксаковъ, настолько противоположны по существу, что не могли быть органически слиты. Въ голосованіяхъ Присутствія мы постоянно видимъ двѣ группы: на одной сторонѣ являются г.г. Аксаковъ, Кузнецовъ, Папковъ, о. Рождественскій, на другой г.г. Алмазовъ, Бердниковъ, Глубоковскій, о. Буткевичъ и т. д. Тутъ несомнѣнно два направленія, и если между ними попадаютъ промежуточные силы, то, во всякомъ случаѣ, голосованія даютъ не органическій синтезъ двухъ мнѣній, а являются ничего не доказывающимъ (въ смыслѣ истины) свидѣтельствомъ лишь того факта, что въ залѣ засѣданій Святѣйшаго Синода въ данный моментъ было больше лицъ одного или другого направленія“. Предоставляемъ читателямъ, на основаніи вышеприведенныхъ выдержекъ, самимъ судить, правдивы ли взгляды автора замѣтки на положеніе членовъ Присутствія. Такой образъ дѣйствій высшаго церковнаго управленія, т. е. подборъ членовъ, авторъ называетъ „хроническимъ недоразумѣніемъ“. Можетъ быть это и правда—не спорю, но чтобы „Помѣстный Соборъ“ въ Православной странѣ былъ названъ „каноническимъ недоразумѣніемъ“, такъ какъ нѣтъ Вселенскаго Собора, съ

этимъ положеніемъ согласиться нельзя. Нельзя согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. Правда, Россія не преимица Византіи, но центръ Православія всегати перешелъ къ Россіи и попеченіе о Православіи отъ византійскихъ императоровъ перешло къ русскому царю, — и всегати русскій царь не созываетъ Вселенскаго Собора. Въ этомъ случаѣ большую роль играютъ условія территориальныя и экономическія.

Въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ весь православный міръ только и заключался въ одной Византійской Имперіи. За предѣлы ея христіанство едва только начало проникать, а потому весь христіанскій міръ была подвластенъ только одному императору и все тогдашняя Церковь была подвластна ему одному, такъ что, если возникало какое-либо еретическое движеніе, то византійскіе императоры, ревнуя о возстановленіи благочестія и издавали эдикты о созывѣ Вселенскаго Собора и все іерархи, повторяю, находившіеся подъ властію одного только императора, являлись по приказанію своего царя. Такимъ образомъ, въ то время являлась одна объединяющая власть подъ рукою котораго былъ христіанскій міръ, и расходы равномѣрно дожились на все провинціи государства. Въ настоящее время мы видимъ совершенно обратное. Христіанство, разумно исключительно православное, разлилось по всей вселенной и нѣтъ такого уголка, гдѣ-бы мы могли не встрѣтить православнаго христіанина. Въ каждомъ государствѣ есть православно-христіанская община и, слѣдовательно, находящаяся подъ опекой данной государственной власти. Не упоминаю о церквяхъ автокефальныхъ. Теперь возникаетъ вопросъ: кому же созывать Вселенскій Соборъ? Русскому царю? Но можетъ-ли русскій царь приказать, напрімѣръ, іерархамъ Иерусалимской церкви явиться на Соборъ въ Россію. Ясное дѣло нѣтъ. Кромѣ того созывъ Вселенскаго Собора сопряженъ съ громадными затратами и все расходы тяжелымъ бременемъ падаютъ на одно государство, а другое государство инославное, или не христіанское часть затратъ, во всякомъ случаѣ, никогда не приметъ на себя; во 2-хъ неудобства территориальныя, и въ 3-хъ, при рѣшеніи вопросовъ, допустимъ іерарховъ всехъ странъ, могутъ возникать разногласія, благодаря исключительно мѣстнымъ условіямъ, хотя каноны и неизмѣнны для всехъ Церквей, однако мѣстные условія, при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, играютъ громадную роль. Притомъ въ настоящее время нѣтъ такихъ вопросовъ, рѣшеніе-бы которыхъ имѣло значеніе для всей Православной Церкви. Вопросы, выдвинутые на Предсоборномъ Присутствіи, такіе, которые имѣютъ значеніе только мѣстное—одной Русской Церкви.

Что же касается того вопроса, что если на Помѣстномъ Соборѣ, хотя-бы въ Россіи, будутъ возбуждены вопросы общіе, вселенскіе вопросы вѣры, то они, дескать, могутъ получить каноническую санкцію только признаніемъ всей Православною Церковію, какъ-были признаны каноническими постановленія древнихъ помѣстныхъ соборовъ. А такого каноническаго органа въ настоящее время нѣтъ. Но, авторъ самъ говоритъ, что выходъ однако нашли и прибѣгли къ фикціи, къ слу-

чайному междуцерковному обмѣну пастырскими посланіями о данномъ вопросѣ. Отъ такихъ фикцій, конечно, обще-церковное дѣло не проигрываетъ, а даже можетъ выиграть. Разъ Церковь (какого-либо государства, тѣмъ болѣе отдаленнаго) не имѣетъ возможности непосредственно, чрезъ своего представителя, высказаться по данному вопросу, то и прибѣгли къ такого рода способу, чтобы не порвать общей церковной связи. Притомъ Церковь, получившая посланіе, на мѣстѣ въ общемъ собраніи, или своемъ Помѣстномъ соборѣ, можетъ обстоятельно разсмотрѣть данный вопросъ, не двумя, тремя выбранными, а всю Церковію, данной мѣстности въ совокупности и отвѣтнымъ посланіемъ можетъ выразить солидарность или несогласіе по данному вопросу.

Вообще вся эта статья направлена на то, чтобы подорвать довѣріе къ Высшей духовной Власти,—это одинъ изъ тѣхъ кадетскихъ выпадовъ противъ духовной бюрократіи и духовенства, которыхъ не мало приходилось встрѣчать на страницахъ прогрессивной печати. Все мысли направлены на то, что Церковь „въ дѣлскихъ рукахъ высшей монашескую іерархію въ дружномъ союзѣ съ бюрократическими силами“ есть ни что иное, какъ одна изъ тѣхъ многочисленныхъ функций для выраженія дѣлей и стремленій правительства.

Священникъ Николай Эбервейнъ

IV.

Изъ церковно-школьной жизни.

10, 15, 17 и 19 мая 1907 г. въ Саратовской Покровской двухклассной съ учительскимъ курсомъ и руководящими классами женской церковно-приходской школѣ происходили выпускныя испытанія ученицъ учительскаго курса. Предсѣдателемъ экзаменаціонной коммисіи вначалѣ былъ предсѣдатель Саратовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, Протоіерей І. П. Кречетовичъ, а затѣмъ, вслѣдствіе назначенія его ревизоромъ Саратовскаго Духовнаго училища, членъ Совѣта, священникъ А. А. Прозоровскій.

21 мая въ заглѣ школы отслуженъ былъ, о. А. П. Кречетовичемъ, въ сослуженіи настоятеля Покровской церкви П. Я. Полигестова и завѣдывающаго школою о. Космолинскаго, благодарственный молебень по случаю окончанія занятій. Предъ молебномъ о. предсѣдатель обратился къ ученицамъ выпускнаго отдѣленія съ задушевнымъ словомъ. Положивши въ основаніе своей рѣчи экзаменаціонное сочиненіе ученицъ: «лучшій день моей жизни», о. протоіерей отмѣтилъ, что изъ чтенія ученическихъ работъ онъ вынесъ отрадное впечатлѣніе, такъ какъ описанный большинствомъ ученицъ лучший день ихъ жизни дѣйствительно можно считать лучшимъ моментомъ жизни челоука. Значительная часть ученицъ лучшимъ днемъ своей жизни считаютъ моменты религіознаго торжества или утѣшенія, другія—дни поступления въ школу, третьи—время выздоровленія послѣ тяжкой болѣзни и т. п. О. проповѣдникъ, сказавши ученицамъ, что и въ дальнѣйшей